

Теория и методология

© 1996 г.

Л.Г. ИОНИН

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

ИОНИН Леонид Григорьевич - доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Социальная структура и социальное неравенство

Существует множество определений социальной структуры. Приведем некоторые из них, чтобы обнаружить самое общее и характерное:

«Социальная структура обозначает опосредованное сетью отношений между социальными элементами и через ее посредство воздействующую общую связь социального целого» [1]. «Социальная структура обозначает (а) относительно стабильные отношения, существующие между аспектами социальной системы, и (б) организацию специфически групповых или индивидуальных позиций, отличающихся каждая особым статусом» [2]. «Под социальными структурами понимаются (относительно) стабильные закономерности социальной жизни, например, ролевое поведение, организационные модели и социальное расслоение» [3].

Это зарубежные определения. Посмотрим, что говорилось на этот счет в отечественной литературе: **«Структура социальная - одна из основных категорий социологического анализа общества, обозначающая сеть упорядоченных и взаимообусловленных связей между элементами социальной системы; в с.с. фиксируется свойственный данному обществу способ разделения труда, взаимоотношения классов и др. социальных групп, характер функционирования социальных институтов, формы социальной организации и социальных действий» [4].**

Новейшие отечественные определения не обнаруживают ничего принципиально нового: **«Социальная структура - в широком смысле слова означает совокупность отношений между различными социальными группами (классами, общностями, организациями) и социальными институтами, обеспечивающими стабильность в обществе. В узком смысле - взаимосвязанный набор социальных позиций (статусов), каждая из которых обладает определенными правами и обязанностями, необходимыми для выполнения социальных ролей. Социальная структура обеспечивает устойчивость социальной системы, ее нормальное воспроизводство» [5].**

«Структура социальная - внутреннее устройство общества или социальной группы, состоящее из определенным образом расположенных, упорядоченных частей, взаимодействующих между собой в определенных рамках» [6].

В этих определениях отражены, как правило, два основных момента: системно-организационный и стратификационный. С одной стороны, социальная структура есть "система отношений, организующих общество в единое целое, то, что держит общество воедино, не давая ему рассыпаться на отдельные элементы - группы-агрегаты или изолированных индивидов. С другой - это совокупность статусов, групп, слоев или классов, организованная в *иерархическом* порядке, то есть *не равных* в том, что касается доступа к ресурсам, которыми обладает социальная система.

Там, где этот второй момент не учитывается, определение можно считать недостаточно полным, поскольку в нем не учитывается момент *социального неравенства*. Вообще, тот факт, что социальная структура в каждом конкретном случае ее существования представляет собой выражение социального неравенства, во всех приведенных определениях практически не учитывается. Читая их, выносишь впечатление, будто «социальная структура» - чисто технический и описательный социологический термин, не имеющий ничего общего с социальными битвами за равенство и справедливость, которые гремят в мире вот уже какое столетие.

Я останавливаюсь на этом не потому, что хочу спровоцировать очередную идеологическую разборку, а потому, что неравенство индивидов и групп является изначальным признаком социальной структуры, только и делающим возможным ее существование в системном качестве; в противном случае - в случае равенства, или даже тождества составляющих систему элементов просто не было бы смысла говорить об общественной организации, о системе, о структуре; речь могла идти только об абстрактном множестве элементов. Поэтому понятие социального неравенства выполняет не только идеологическую, но и важную аналитическую функцию. Именно факт неравенства, как показывает опыт, обуславливает развитие и изменение социальной структуры.

Вертикальные классификации

Неравенство людей является эмпирическим фактом. Люди различаются по своим вкусам, цвету волос, доходу, знаниям, фактическому или формальному образованию, возрасту, физической силе, по сексуальной потенции, профессии, по тому, владеют ли недвижимостью, землей или средствами производства и т.д. и т.п. Но не все эти различия социально значимы. О социальном неравенстве можно говорить только тогда, когда важность различий людей по какому-то из перечисленных (или не упомянутых в этом перечне) параметров закреплена институционально и сделана базисным принципом классификации.

Как считает К. Эдер, чтобы иметь возможность говорить о социальном неравенстве, надо осуществить две познавательные операции [7, S. 178]. Первая состоит в том, чтобы подвергнуть социальный мир вертикальной классификации. Вторая - в том, чтобы этот классифицированный мир, состоящий из поделенных на классы индивидов, объявить отклонением от идеала равенства. И только тогда неравенство будет осознано, станет предметом научного и общественного *дискурса*. Можно даже сказать так: тогда неравенство *начнет существовать*.

Это, по видимости, простое описание происхождения неравенства получает свое подтверждение в анализе простых (тех, что раньше называли «примитивными») и традиционных обществ. *Вертикальная классификация* как таковая универсальна и встречается практически во всех культурах [8]. Но в разных культурах в разные исторические эпохи она используется, объясняется и интерпретируется по-разному.

В *простых* обществах социально значимыми являются такие качества людей, как принадлежность к определенному роду, пол и возраст, которые, соответственно, трансформируются в иерархию родственных, возрастных и половых групп. Социальные статусы имеют аскриптивный характер¹. К. Эдер приводит такой пример. В

---

¹ Аскриптивный (от англ. *ascription* -приписывание) -термин, введенный Р. Линтоном для обозначения одной из альтернатив социальных ориентаций, составляющих оппозицию «приписывание-достижение» (*ascription - achievement*). Об индивиде можно судить, или соответственно, вести себя по отношению к нему, ориентируясь либо на приписанные ему качества (возраст, пол, престиж, цвет кожи и т.д.), либо ориентируясь на его реальное поведение и успехи (как представителя профессии, гражданина, налогоплательщика и т.д.). Эти понятия широко применяются для характеристики социальных статусов, то есть в качестве критериев стратификации. При этом предполагается, что социальный статус личности в развитых индустриальных обществах во всевозрастающей степени определяется больше его реальными успехами (ориентация на достижение), чем аскриптивными признаками (приписывание) [9].

одном австралийском племени старики имели право брать в жены столько девушек, сколько могли себе позволить. Молодым мужчинам, чтобы получить привилегированную позицию в системе распределения женщин, приходилось ждать, пока вымрут старики. На практике система приводила к тому, что мужчины дожидались своей очереди до сорока лет и дольше. Здесь принадлежность к возрастной группе являлась основой системы классобразования. Внешний наблюдатель (современный этнограф) мог бы сказать, что такая практика порождает социальное неравенство между возрастными классами. Однако сами представители племени не видели в этом установлении никакого неравенства, а рассматривали его как часть *естественного* мирового порядка.

Возникает вопрос: существует ли действительно в этом случае социальное неравенство? Сказать, что здесь вообще нет неравенства, было бы неправильно. Эдер приходит к парадоксальному выводу: здесь существуют социальные классы людей, а, следовательно, и объективное неравенство. Но оценивается и интерпретируется оно не как социальное неравенство, а как имманентный природе порядок [7, S. 179]. Другими словами, несмотря на наличие *объективного* неравенства (в данном случае возрастного) и социальных классов, возникших на основе вертикальной классификации, *социальное* неравенство не возникает, пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое. Поэтому не может возникнуть и то, что в европейской интеллектуальной среде именуется дискурсом равенства. Можно сказать, что из двух упомянутых выше когнитивных операций совершена первая, но не совершена вторая.

Обратимся к традиционному обществу. Здесь количество признаков, воздействующих на классообразование, возрастает. Помимо возраста и пола возникают классификационные линии, основанные на разделении труда. Кроме того, зарождается сословная структура: возникают различия между крестьянами и ремесленниками, между последними и знатью. Но и здесь социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть божественного *порядка*. Принцип вертикальной классификации интерпретируется как частное проявление идеи мирового порядка - божественной иерархии, воплотившейся в иерархии сословий и каст. Такая (или подобная) теория характерна для всех традиционных обществ, где бы они ни существовали, в частности же, она ярко проявилась в европейском средневековье.

Наиболее выразительные последствия социальной дифференциация имела в индийской кастовой системе, где объективно выразившееся неравенство достигло максимума возможного. Но, парадоксальным образом, это неравенство не только не способствовало стремлению к социальному равенству, но даже затрудняло его: божественное происхождение неравенства затрудняло истолкование кастовой системы как выражения социального неравенства.

В *современном* обществе по сравнению с простым и традиционным ситуация существенно образом меняется. В необычайной степени возрастает количество классификационных критериев. При этом классификации переплетаются, взаимодействуют, образуют сложные структуры (кластеры). Но самое главное - многообразные объективные неравенства не только осознаются как таковые, но и интерпретируются с точки зрения идеала равенства. Поэтому они воспринимаются как факты социального неравенства и становятся как предметом общественного дискурса, так и причиной многих классовых и прочих конфликтов. Возникают - в противоположность теориям божественной иерархии или природного порядка - многочисленные теории социальной структуры, классовой или слоевой стратификации, в основе которых лежат по сути те же, что и всегда вертикальные классификации. Но здесь к задачам исследователя прибавляется анализ социального неравенства (то, что для ученых прошлых времен - магов, шаманов, монахов - попросту не было темой) и путей его преодоления.

Если воспользоваться сформулированной Эдером идеей о двух когнитивных

операциях, необходимых для формирования дискурса неравенства, то можно сказать, что здесь совершена вторая из них: вертикально классифицированный (еще в простых и традиционных обществах) мир, состоящий из классов, был объявлен отклонением от идеала равенства. Если же использовать термин, введенный У. Томасом еще в 30-е годы, произошло кардинальное *переопределение ситуации* социального существования человека.

Модернистский проект

Переопределение ситуации произошло в XVIII веке с подъемом буржуазного класса. Вообще-то дело выглядело так, будто в этот период социальное неравенство было открыто, обнаружено, так сказать, как *реальность*, до того успешно скрывавшаяся от пытливого человеческого ума.

«Человек рожден свободным, а повсюду он в оковах» - этот афоризм Ж.-Ж. Руссо - ключ к пониманию идеи социального неравенства, возникшей в эпоху Просвещения. Раньше, согласно натуралистическим и теологическим истолкованиям, человек *не* рождался свободным; человек от рождения принадлежал к определенному классу в вертикальной классификационной системе, и, если некоторые аскриптивные признаки могли изменяться, например, в связи с переходом в другую возрастную или в другую родственную группу, то принадлежность к некоторым классам, основанным на разделении труда, например, или на сословном делении, оставалась постоянной.

Руссо разделил все вертикальные классификации на две группы: те, где базисом служат природные неравенства, и те, где базис носит, как он выражался «политический», а мы бы сказали - культурный характер. В его собственных словах: «Я вижу в человеческом роде два неравенства: одно, которое я называю естественным или физическим, потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств; другое, которое можно назвать неравенством условным или политическим, потому что оно зависит от некоторого рода соглашения и потому что оно устанавливается или, по меньшей мере, утверждается с согласия людей. Это последнее заключается в различных привилегиях, которыми некоторые пользуются за счет других: как то, что они более богаты, более почитаемы, более могущественны, чем другие, или даже заставляют их себе повиноваться» [10].

Поскольку это неравенство носит условный характер, то есть зиждится на общественных конвенциях, оно может и должно быть отменено во имя равенства, заключающегося в первую очередь в ликвидации упомянутых «привилегий», прежние обоснования которых - религиозные и примитивно-натуралистические - не выдерживают критики разума. Фактическому неравенству был противопоставлен идеал равенства, и с этого времени - с века Просвещения - борьба за равенство стала одним из основных мотивов современной культуры.

Впоследствии, во второй половине XIX века, открытие социального неравенства и требование равенства было осмыслено как часть грандиозного духовного переворота того времени, положившего начало новой культурной эпохе - эпохе модерна. Еще позже, уже в XX столетии, программа критики догм и суеверий и самоосуществления разума в истории, как бы предполагавшаяся мыслителями Просвещения и начавшаяся на практике осуществляться в период Французской революции, получила несколько высокопарное название «модернистский проект».

Что такое модерн? Что такое модернистский проект? Каковы отношения между модерном и Просвещением? На эти вопросы отвечают десятилетия за десятилетием десятки и сотни авторов, но мало среди них согласия даже по самым коренным вопросам. Действительно, если бросить взгляд на весь период осуществления модернистского проекта, то придется иметь дело с самыми разнообразными, порой взаимоисключающими общественными формами, культурными и художественными стилями, политическими режимами, мировоззрениями, идеологиями. Практически эпоха модерна - это все европейское Новое время, и трудно, в самом деле, подвести эти три века под единый общий знаменатель.

Эпоху модерна, а вместе с ней и модернистский проект, можно определить в историческом, культурном, в социальном и даже в социологическом смысле.

«Исторически (здесь и далее в цитатах выделено мною. —Л.И.) начало модерна обыкновенно отождествляется с индустриальной революцией (вычленение экономической системы), возникновением (или вычленением) буржуазно-демократического государства, с буржуазным Просвещением и началом экспериментальных (естественных) наук, характерных для Нового времени... Поэтому модерн, с исторической точки зрения, - это еще одно, и так же весьма неопределенное, понятие для обозначения "европейского Нового времени", но так же и индустриального капитализма» [11].

О социальном смысле модерна писал Макс Вебер, объясняя, что социальный мир становится все более «прозрачным», то есть ясным, понятным, доступным познанию и изменению, благодаря его "расколдовыванию" вследствие нарастающей рационализации социальной жизни. Расколдовывание означало освобождение общества от господства магии и суеверий, его доверие к разуму, науке, рациональной процедуре во всех сферах общественной жизни. Расколдовывание рассматривалось не как единовременный акт, а как тенденция, придающая единство и смысл всей эпохе модерна. «Нарастающая интеллектуализация и рационализация, - писал Вебер, - ...не означают возрастания всеобщего знания условий жизни, в которых находится человек. Но они означают нечто другое: знание того или веру в то, что человек всегда *может* это узнать, как только *захочет*, что вообще нет таинственных непредсказуемых сил, вмешивающихся в его жизнь, что он может - в принципе — *путь рационального расчета овладеть* всеми вещами. А это и означает: расколдовывание мира. Теперь не приходится, как дикарям, для которых эти силы существовали, прибегать к магии, чтобы покорить или умиловить духов, — это становится делом расчета и техники. А это и есть интеллектуализация как таковая» [12].

Опираясь на М. Вебера, Ю. Хабермас описывает *культурный* смысл модерна: «...Культурный модерн характеризуется тем, что выраженный в религиозных и метафизических образах мира субстанциональный разум разделился на три момента, которые только формально (путем аргументативного обоснования) могут быть удержаны вместе. Поскольку образы мира распались и традиционные проблемы могли теперь трактоваться лишь под специфическими углами зрения истинности, нормативной правильности, аутентичности (или красоты), то есть обсуждаться как вопросы познания, справедливости и вкуса, Новое время пришло к вычленению ценностных сфер науки, морали и искусства» [13].

Можно сказать, наверное, что современная европейская цивилизация есть продукт осуществления модернистского проекта. Практически всеми своими отличительными признаками она обязана эпохе модерна и модернистскому проекту. Наука, искусство, мораль, индустрия, демократия, прогресс, - эти и прочие составные части сегодняшней жизни, без которых, кажется, просто невозможно существовать, - все они продукт модерна, так же, как социальное равенство, рациональная общественная организация, беспримерно высокий жизненный стандарт и другие достижения западной цивилизации.

Однако когда подходит пора подводить итоги осуществления проекта, они оказываются не столь воодушевляющими.

Западные исследователи сплошь и рядом констатируют предел возможностей социального государства в решении таких проблем, как массовая безработица, наличие целого ряда «проблематичных» социальных групп, которые практически лишены шансов на рынке труда и вытеснены из сфер, обеспечиваемых и поддерживаемых социальным государством. Еще более серьезной социальной проблемой представляется неспособность современного государства обеспечить эффективное функционирование социальных служб, причем проблемы возникают именно в тех сферах и областях, где достижения кажутся наиболее явными и весомыми. Именно в них чаще всего звучат претензии по поводу бюрократического и безличностного характера действий социальных служб, которые перестают видеть в своих клиентах полноценные человеческие личности. Все чаще на передний план выступает неспособность государства справиться с экологическими проблемами и снизить технологические риски современного производства.

В общем, социальное государство, задачей которого, согласно наиболее общей формулировке, было обеспечение равных возможностей счастья и процветания для всех граждан, затрудняется в ее реализации. Экономическое процветание невозможно в условиях массовой безработицы. Забюрократизированные и запрофессионализированные социальные службы делают просто-напросто недостижимыми собственные цели. Наконец, неспособность государства нейтрализовать экологическую и технологическую угрозу показывает не просто его неспособность обеспечить «счастье и процветание», но делает проблематичным его способность обеспечить просто выживание граждан.

Повторим, все эти проблемы возникают именно на тех направлениях развития, где модернистский проект, как кажется, достиг наиболее впечатляющих успехов: крупномасштабные технологии, развитые социальные службы, трудовая деятельность. Этот факт, по мнению многих исследователей, ставит под вопрос направление дальнейшего развития.

Ю. Хабермас пишет в этой связи о «новой непрозрачности» — парадоксальной ситуации, когда «все еще движимая утопией трудового общества социальная программа теряет возможность показать перспективы будущей коллективной, лучшей и менее опасной жизни» [14]. Новая непрозрачность ставит под сомнение и базовую, с точки зрения Макса Вебера, тенденцию модерна — тенденцию расколдовывания мира. Это может означать как исчерпанность модернистского проекта через две сотни лет после начала его осуществления (Х. Мюллер пишет об «исчерпанности утопической энергии» [15, S. 23]), так и его временные затруднения.

Модернистский оптимизм заметно идет на убыль, а модернистский проект демонстрирует свидетельства вырождения и становится инструментом безудержной и часто беззастенчивой экспансии Запада. Как орудие евроцентристской политики модернизм выступает в облике теорий модернизации, которые со времен Т. Парсонса стали прикладным вариантом универсальных теорий социальной эволюции. Согласно этим теориям, западный модерн — это вершина, если вообще не конечный пункт социальной эволюции. Определенные характерные черты западных обществ — прежде всего их экономической и политической организации (рыночная экономика, например) — объявляются эволюционными универсалиями. В результате модернистский проект обретает *нормативный* характер; по отношению ко всему традиционному он является «новым», а потому неизбежным и обязательным для перенесения в другие страны и общества. Так, понятие «рациональной обоснованности» подменяется понятием «новизны». Новое становится нормативным².

Поэтому само понятие модернистского проекта попадает под подозрение. Одни утверждают, что такого проекта не было, было несколько «проектов» существенно различного содержания, базировавшихся на общем фундаменте — идеологии Просвещения. Другие объявляют модернистский проект «незавершенным», сохраняя оптимизм по отношению к его будущему. Третьи определяют модерн как ложный фантазмагорический образ буржуазного мира, маскирующий классовое господство путем создания новых мифологий. Здесь, разумеется, нет ничего общего с веберовской идеей расколдовывания мира и рационализации жизни. Четвертые, наконец, считают эпоху и культуру модерна пройденной и превзойденной и объявляют переход в «постмодерн» как новую культурную и социальную эпоху человечества.

Марксизм и модернизм

Можно сказать, что исследования социальной структуры вообще и социального неравенства в частности стали одним из результатов реализации модернистского проекта. Выше говорилось о Руссо, обосновавшем существование социального неравенства. Собственно социологический характер изучение неравенства обрело в марксистском социоструктурном анализе капиталистических обществ, в ходе которого на основе отношения к средствам производства (юридическое владение собственностью) выделялись два основных социальных класса: буржуазия и пролетариат (класс владельцев собственности и класс наемных рабочих). В силу своего объективного положения в социальной системе первые эксплуатируют вторых. Суть социалистической революции заключается в ликвидации этого неравенства, то есть в переходе средств производства в общенародную собственность, а впоследствии - в коммунистическом будущем - к ликвидации классовых различий вообще.

В мировой социологической литературе не прекращаются споры о том, можно ли считать основоположников марксизма идеологами модернизма и проводниками и реализаторами модернистского проекта. Одни, как Хабермас, считают Маркса чем-то вроде антимодерниста-романтика [16], другие, как Берман, утверждают, что Маркс был «одним из первых и величайших модернистов» [17]. Велинг полагает, что он не был ни тем, ни другим, а просто «искал способа свести мучительные противоречия современной ему жизни к их общественной основе» [15, S. 68].

Знаменитое место из «Манифеста коммунистической партии» звучит просто как преамбула к модернистскому проекту, если бы последний нашел себе формальное выражение: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрепятственные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечные неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь, оказываются устарелыми, прежде, чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» [18].

В этом отрывке говорится именно о том, что подразумевал более чем через полвека Макс Вебер, говоря о рационализации и расколдовывании мира, о преодолевающей и ломающей традиции мощи капиталистической модернизации.

Однако, как показал Марксу опыт практического развития капитализма, взглянуть на мир трезвыми глазами людям не удавалось. Мир не расколдовывался, а реальные отношения, наоборот, обретали все более мистифицированную форму. Маркс искал ее тайну в буржуазной политэкономии, разоблачая фетишизм товара и представление труда в форме предметности как основные механизмы сокрытия истины межчеловеческих отношений в процессе капиталистического производства. В результате он пришел к формуле, позволяющей трудящимся прорвать ограничивающий барьер капиталистической аккумуляции и взять в свои руки управление процессом «обмена веществ с природой».

Если взглянуть на приведенный в предыдущем разделе перечень достижений, действительных или лишь прокламируемых на пути осуществления модернистского проекта, то видно, что каждое из них было и целью марксизма. Особенно это касается преобразований в социальной сфере - преодоления социального неравенства и достижения равенства. Это касается и средств достижения такого состояния –

Подробнее о понятии и критике модернизации и о теориях модернизации см. [15].

рациональной организации хозяйства и общественного существования в целом. Так что, можно сказать, Маркс был подлинным модернистом, сыном эпохи Просвещения, хотя и блудным.

Марксистские социологи в СССР постоянно обвиняли немарксистских коллег в том, что они являются апологетами буржуазного общества и стремятся навеки законсервировать социальные различия и социальное неравенство. Это не соответствовало истине. То, что в советское время называлось буржуазной социологией, так же, как и марксистская социология, даже в той ее извращенной форме, которую она обрела в Советском Союзе, были лишь частью общего для европейской идеологии Нового времени движения к равенству, хотя путь, которым шли к равенству марксисты, оказался «иным путем».

Идеология социоструктурного исследования

Для социально-научного познания и конкретной социальной деятельности модернистский проект как бы являл собой масштаб, согласно которому должны происходить культурная и технологическая модернизация, секуляризация, выделение новых и реорганизация старых социальных сфер. Культурная, экономическая и политическая модернизация должны были основываться на фундаментальных институтах «конкурентной демократии», социального рыночного хозяйства и постоянно растущего (или приближающегося) на их основе общества всеобщего благосостояния, которое этим своим благосостоянием обязано массовому потреблению и социальному государству. На уровне индивидов и малых групп развитие модернизационного проекта мыслилось как возникновение в никогда не виданном объеме новых жизненных шансов, возможностей, новых общественных связей, которые обеспечит модернизированное общество. Концепции социальной структуры играли в этом движении к равенству важнейшую роль. Они выполняли, так сказать, диагностические функции, исследуя расхождения между идеалом и реальностью, между утопией равенства и фактическим неравенством.

Исследования в области классового членения общества, социального расслоения и мобильности должны были решать три задачи.

Первая: обнаружить и описать неравенство *в распределительных отношениях*, то есть неравное распределение недостающих, но крайне желаемых ресурсов, таких, как доход, образование, власть, престиж.

Вторая: поскольку в первом случае речь шла не о чисто статистическом распределении, а о распределении по личностным категориям, возникала возможность выявления основанных на распределительном неравенстве *статусных групп*.

Третья: исследовать, как и в какой мере образование статусных групп ведет к формированию ранжированной системы *социальных слоев* - страт [19].

Анализ этих трех взаимосвязанных и взаимообуславливающих процессов выливался в результате в описание *социального строения* общества. Изучение процессов социальной мобильности, как внутр поколенческой, так и межпоколенческой, исследования участия в этих процессах таких традиционных институциональных областей,

как семья, образование, занятость, вели к формированию образа *социальной системы*.

К этому добавлялись исследования в таких сферах, как идеологическое осмысление и интерпретация, культурная семантика, формирование классификаций и культурных кодов, которые все вместе создавали то, что впоследствии было названо *репрезентативной культурой* [20].

Все вместе - описание социального строения, его системного характера и культурного осмысления этих феноменов *плюс объяснение* причин этого неравенства - мыслилось как социологический диагноз социальной ситуации, или как диагноз времени. Он выполнял критическую функцию, ибо позволял противопоставить реальное состояние дел идеальному состоянию равенства

и справедливости, которое мыслилось как цель общественного развития. Этот диагноз поддерживал притязания на равенство со стороны общественных групп, проигрывавших в социальной конкуренции, и одновременно служил основой суждений о необходимости и направленности реформ, то есть ложился в основу планируемых социальных изменений.

В этом смысле исследование социальной структуры было насквозь идеологизированным. Оно, во-первых, идеологически мотивировалось, во-вторых, служило обоснованием изменений, которые были нормативно ориентированы, то есть ориентированы на модернистский идеал равенства и справедливости.

Так было на Западе, так было и на Востоке. Если отвлечься от чисто теоретических особенностей и от научно-организационных принципов, то иногда очень трудно найти различия в идеологических функциях изучения социальной структуры в марксистской и в так называемой буржуазной социологии. В обоих случаях подход был нормативным, высшей ценностью считались равенство и справедливость, образ идеального состояния и конечные ценности вытекали из одного и того же источника - духа Просвещения и Великой французской революции.

Экскурс: российская реидеологизация

Нынешние общественные трансформации в бывших социалистических странах должны были бы привести к снятию идеологических различий между, условно говоря, восточными и западными социологиями, тем более, что эти различия носили, как я стараюсь показать, вторичный характер. И восточная, и западная социологии являлись, по сути дела, конкурирующими версиями одного и того же модернистского проекта установления справедливости и равенства.

Собственно говоря, социологическое равенство в трансформирующихся обществах как раз и движется в направлении снятия различий, а по существу - в направлении усвоения западной версии модернистского проекта. Об этом свидетельствует множество фактов: издание западных учебников социологии прошлых десятилетий, воспроизведение как конкретных теорий (и определений), так и целых систем мышления в новейших учебниках социологии, издаваемых отечественными авторами.

Дело выглядит так, будто трансформирующееся российское общество, в состоянии адекватно описать и понять себя при помощи стандартных учебников и стандартных социологических схем, разработанных на Западе в 60-70-е годы для описания западного общества того времени.

Это представляется коренной и чреватой большими опасностями ошибкой. Какие опасности здесь таятся? Во-первых, консервирование социологических методологий советского времени. Практически современная российская социология, как показывает опыт истекающих лет, может пользоваться той же фразеологией и сохранять тот же идеологический пафос, что и советская социология двух-тридцатилетней давности. Надо просто уметь опустить некоторые одиозные имена и термины. Это происходит не оттого, что социологи идеологически перекрашиваются, наоборот, даже отказавшись от марксизма и перейдя на позиции структурализма, системного подхода, теории обмена и т.д., они сохраняют свою идеологическую - на высшем уровне - самотождественность, сохраняют верность модернистскому проекту осуществления равенства и справедливости (хотя в пору их молодости этот проект мог осмысливаться ими как проект построения социализма и коммунизма).

Вторая опасность заключается в консервировании социологического познания на уровне западных теорий и методологий опять же двух-тридцатилетней давности. Понятно, что нашим социологам удобны и понятны эти идеологически и теоретически хорошо знакомые теории. Марксизм и западные теории системно-структурного направления родственны не только идеологически, но и теоретически. Они зиждятся на общих объективистских и натуралистических предпосылках, что обеспечивает их скорое и успешное восприятие в постсоветской социологической среде.

Эта консервация вполне конкретных идей и идеологий, а потому и отсталого состояния отечественной социологии опасна в первую очередь потому, что само западное общество отказывается постепенно как от устаревающих диагностических орудий, так и от нормативных определений, скажем условно, здоровья общества, то есть от традиционных представлений о социальном идеале.

Старые теории и старые учебники не пригодны для описания сегодняшнего состояния общества, которое они описывали когда-то. Также они не пригодны для описания нашего общества, ибо более чем наивно пытаться приспособить российские реалии к общественному идеалу Запада двух-тридцатилетней давности.

И западное общество, и российское изменилось, не в последнюю очередь, под воздействием модернистского проекта. И западное общество, и российское почти одновременно подошли к необходимости коренной когнитивной переориентации. На Западе она произошла или происходит. У нас же она совпала с разрушительными реформами и полным отказом от приобретенного ранее знания, а потому практически не состоялась. Мы упустили из виду процессы, происходящие в нашем собственном обществе и *живем сейчас не своим знанием, а тридцати - сорокалетней давности идеологией западного модерна*. Вместе с этой идеологией усваиваются и социологические теории, и методологии, тем более, что они ложатся на заботливо приготовленную модернистским марксизмом духовную почву.

Теории, которые у нас ныне используются, описывают не то стремительно меняющееся общество, в котором мы живем сейчас. Переводимые и выпускаемые у нас ныне учебники социологии описывают не то общество, с которым имеет дело студент. О том, в чем состоит суть изменений, упущенных из виду нашей наукой, пойдет речь далее.

Окончание следует

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mayntz R.* Sozialstruktur // *Evangelisches Staatslexikon.* Stuttgart: Berlin: Kreuz Verlag, 1966. S. 2415.
2. *Hoult T.F.* Dictionary of modern sociology. Totowa, New Jersey: Littlefield and Adams, 1974. P. 304.
3. *Zapf W.* Sozialstruktur// *Schaefers B.* (Hg.) Grundbegriffe der Soziologie. Opladen: Leske & Budrich, 1986. S. 385.
4. *Левада Ю.А.* Структура социальна// *Философская энциклопедия.* Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 142.
5. *Комаров М.С.* Введение в социологию. М.: Наука, 1994. С. 300.
6. *Фролов С.С.* Социология. М.: Наука, 1994. С. 248.
7. *Ecler K.* Gleichheitsdiskurs und soziale Ungleichheit // *Haferkamp H.* (Hg.) Sozialstruktur und Kultur. Frankfurt / Main: Suhrkamp, 1990.
8. *Schwarz B.I* Vertical classification. A study in structuralism and in the sociology of knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
9. *Fuchs W.u.a.* (Hg.) Lexikon zur Soziologie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. S. 885.
10. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 45.
11. *Wehling P.* Die Moderne als Sozialmythos. Frankfurt/New York: Campus Verlag, 1992. S. 1712.
12. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tuebingen: Mohr, 1968. S. 594.
13. *Habermas J.* Die Moderne-ein unvollendetes Projefct // *Habermas J.* Kleine politische Schriften. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1981. S. 462.
14. *Habermas J.* Die neue Unuebersichtlichkeit. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1985. S. 147.
15. *Mueller H.-P.* Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere theoretische Diskurs ueber soziale Ungleichheit. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992.
16. *Habermas J.* Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1985. S. 75ff.
17. *Berman M.* All that is solid melts into air. The experience of modernity. New Yori, 1982. P. 87.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Соч. 2-е изд., Т. 4. М.: Изд-во политической литературы. 1955. С. 427.
19. *Turner J.* Societal stratification. A theoretical analysis. New Yori: Columbia Univ. Press, 1984. P. 59.
20. *Tenbruck F.* Die kulturelle Grundlagen der Gesellschaft. Der Fall Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 38.